

Забытый победитель Деникина и Петлюры Белый офицер и красный командарм Матвей Василенко

Андрей Ганин

(Окончание. Начало — в № 69 за 2016 г.¹⁾)

Молодой военачальник постепенно встроился в элиту РККА. К концу Гражданской войны за Василенко были готовы поручиться ответственные партийные работники: заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский, член коллегии ВЧК А.В. Эйдук, председатель СНК Горской республики В.Е. Квирквелия, председатель СНК Дагестанской республики С.М. Киров, а также помощник главного начальника снабжения по Сибири И.Н. Лукин². К этому можно добавить, что за годы войны Василенко работал с целым рядом комиссаров, в том числе с теми, кто занимал видное положение в партии: А.Г. Белобородовым, В.П. Затонским, С.М. Кировым, К.А. Механошиным, Г.К. Орджоникидзе, М.Л. Рухимовичем и другими. Установившиеся связи вполне могли играть роль в дальнейшей судьбе военспеца.

Широкомасштабная Гражданская война в стране завершилась. Теперь на первый план выходили задачи укрепления Красной армии и повышения ее боеспособности при условии значительного сокращения численности. С 15 декабря 1920 г. Василенко служил председателем чрезвычайной инспекционной комиссии ГУВУЗа, а 9 марта 1921 г. занял пост начальника военно-учебных заведений Сибири в Омске. Приходилось осваивать новое направление работы — никогда прежде Василенко не административировал военно-учебные заведения. Судя по характеристикам, с порученным делом Василенко справлялся с трудом. Участок работы был сложным — по всей видимости, сибирские военно-учебные заведения едва ли могли считаться ли-

цом советской военной школы. Не способствовал успеху и не вполне уравновешенный характер военспеца. Помощник главкома по Сибири В.И. Шорин 10 ноября 1921 г. прямо отметил, что Василенко «стаж по воен[но]-учебн[ому] делу имеет незначительный и в таком большом и ответственном деле справляется с трудом, но прилагает все старания и энергию, чтобы поднять высшие курсы на должную высоту. Характера не совсем уравновешенного»³.

В начале 1923 г. Василенко некоторое время занимал пост окружного инспектора военно-учебных заведений Западно-Сибирского военного округа. Критические характеристики давались ему и в дальнейшем. Отмечалось, что военная школа Сибири из-за Василенко находилась в неудовлетворительном состоянии, военспец практически все время находился в управлении, не уделяя внимания работе на местах. Не помогали даже настояния командующего войсками округа генштабиста Н.Н. Петина. Последний отмечал, что в 1922 г. лишь с большим трудом сумел заставить Василенко выехать в Томск для упорядочения дел в артиллерийской школе. В 1923 г. от предложения Петина поехать в Иркутск и Красноярск для инспектирования военных школ Василенко уклонился, направив туда вместо себя комиссара инспекции. Петин считал необходимым перемещение Василенко в другой округ, ближе к центру, где контроль над ним был бы строже⁴.

В дальнейшем военспец занимал уже куда менее значимые посты. Авторитетный в РККА главком С.С. Каменев, насколько можно су-

дить, относился к Василенко отрицательно. Возможно, в силу субъективных причин. Весной 1923 г. он даже отметил, что переводить Василенко «никуда не следует, он очень слаб, никчем. Предложить демобилизоваться»⁵. Однако изгнать бывшего командарма из армии не удалось, хотя с 1 апреля 1923 г. он почти пять месяцев пробыл в резерве Штаба РККА.

С 22 августа по 25 декабря 1923 г. Василенко командовал 28-й стрелковой Горской дивизией, затем с 25 декабря 1923 г. по 1 апреля 1924 г. — 9-м стрелковым корпусом. После этого вновь находился в резерве Штаба РККА и затем, с 8 июля 1924 г., четыре с половиной года руководил 45-й стрелковой Волынской дивизией. В краткой записке о службе, датированной 9 августа 1924 г., о состоянии здоровья Василенко иронично написал: «В состоянии здоровья дефекты есть, но при наличии ремонта годен к любой работе»⁶.

22 января 1925 г. командир и военный комиссар 14-го стрелкового корпуса И.Н. Дубовый (Дубовой) дал следующую аттестацию Василенко:

«Командир обладает большими теоретическими и практическими познаниями. С Красной армией сроднился — пребывание его в рядах белых армий искуплено пребыванием в рядах Красной армии.»

«Есть большая тяга вступить в ряды коммунистической партии (считаю, не из-за шкурных побуждений). К политической работе проявляет большой интерес, много уделяет внимания работе ВНО⁷ и спортивному делу. Дисциплинирован. Здоров. Должности соответствует»⁸.

Аттестация Василенко от 24 сентября 1925 г., данная Дубовым, содер­жала иную оценку: «Имеет боль­шой опыт Гражданской войны, как в белой, так и в красных армиях. Те­оретическая подготовка достаточ­ная. Есть лекторские способности. Будучи сам недостаточно дисципли­нирован, не может провести твер­дой дисциплины и в частях. Имеет большие склонности к критике при­казов, а не немедленное их исполне­ние. Занимая прежде более ответ­ственные руководящие посты, чув­ствует себя выше ныне занимаемой должности. Во время лагерных сбо­ров на последних маневрах не вполне справлялся в роли к[оманди]ра диви­зии. Политработой интересуется. Советской власти лоялен. В нача­ле командования дивизией были по­пытки вступления в партию, сей­час прекращены. Считаю более це­лесообразным использование на лек­торской работе в ВУЗах, не пони­жая по разряду ныне занимаемой должности»⁹.

Недовольство Дубового было связано с маневрами под Печка­ми, по итогам которых он даже на­писал письмо командующему войс­ками Украинского военного округа А.И. Егорову о недисциплинирован­ности 45-й дивизии и необходимо­

сти замены Василенко своим кан­дидатом — старым боевым товари­щем и личным другом К.Ф. Квяте­ком¹⁰ (на их руках 30 августа 1919 г. умер легендарный Н.А. Щорс, а впо­следствии, находясь под арестом, в 1938 г. Квятек был вынужден оговорить Дубового, обвинив его в убийстве Щорса¹¹).

16 февраля 1927 г. Дубовый при­писал к прежней аттестации: «В ос­новном оставляя в силе аттеста­цию, данную мною 24 сентября 1925 г., должен констатировать некоторые изменения к лучшему в смысле дисциплинированности. В лагерной учебе и на маневрах про­явил умелое руководство дивизи­ей. Занимаемой должности соот­ветствует»¹². Временно команду­ющий войсками Украинского воен­ного округа Н.Д. Каширин утвердил эту аттестацию.

Еще при аттестации в апреле 1923 г. было отмечено, что Василен­ко соответствует должности коман­дира дивизии, но для получения должности командира корпуса ему необходимо пройти переподготов­ку на высших военно-академиче­ских курсах¹³. Впрочем, далее он за­нял должность командира 9-го кор­пуса и без окончания курсов. Тем не менее, с октября 1925 по июнь

1926 г. Василенко успешно прошел переподготовку на курсах усовер­шенствования высшего начальству­ющего состава (КУВНАС) РККА при Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Заместитель началь­ника академии по КУВНАС ген­штабист старой армии Н.В. Солло­губ аттестовал его следующим об­разом: «Вполне достаточная общая и военная подготовка. С большим увлечением работал на курсах, но в некоторых случаях чувствовала­сь поверхностность подхода, что объясняется любовью критически под­ходить ко всем вопросам без обще­го умения дать обобщенный синтез. На занятиях был очень активен, зада­ваемыми работами интересовался. Политически развит хорошо. Курс усвоил вполне хорошо»¹⁴.

В 1927 г. Василенко по совмести­тельству был назначен начальником киевского участка 7-го сектора по воздушно-химической обороне. На следующий год дивизия Василенко была отмечена в приказе команду­ющего войсками Украинского воен­ного округа И.Э. Якира как лучшая по химической подготовке¹⁵. Да­же Дубовый, недавно критиковав­ший Василенко, 21 ноября 1928 г. существенно повысил свою оцен­ку: «Знающий и опытный командир дивизии. Сумел поставить на долж­ную высоту занятия с командным составом. В области подготовки дивизии в целом достижения за по­следние два года большие, как в так­тическом, так и в стрелковом де­ле. Политически грамотен. Знает роль и значение политработы. Аб­солютно предан Советской власти. Достоин выдвижения на должность командира корпуса во внеочередном порядке»¹⁶. Как видим, исчезли кри­тические нотки и регулярные пре­жде упоминания белогвардейского прошлого Василенко.

Выдвижение на должность ко­мандира корпуса не заставило се­бя ждать. 1 января 1929 г. Василен­ко был назначен командиром 17-го стрелкового корпуса, штаб которо­го дислоцировался в Виннице. Ин­тересно, что только постфактум в подкрепление назначения Выс-

М.И. Василенко, К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный в группе командиров ★
Научный архив
Института российской истории РАН

шей аттестационной комиссией при РВС СССР Василенко был признан заслуживающим выдвижения на должность командира стрелкового корпуса (должностная категория К-12) во внеочередном порядке¹⁷. Теперь аттестации ему давал напрямую командующий войсками округа И.Э. Якир. 9 января 1930 г., по итогам года службы Василенко в новой должности, Якир дал ему следующую аттестацию за прошедший год:

«Знающий и опытный командир Красной армии. Хорошо ведет учебную работу. Насколько хорошо руководит подчиненными вообще, настолько нехорошо своим начальниками штаба.

Интересуется новым в военном деле.

Вполне соответствует занимаемой должности командира корпуса»¹⁸.

На следующий год Якир сохранил прежнюю аттестацию, добавив, что Василенко «много работает над собой, начсоставом и войсками, должности вполне соответствует, подлежит выдвижению командиром войсками округа»¹⁹. Таким образом, Якир прочил Василенко себе в помощники.

Исходя из службы на Украине и белогвардейского прошлого, Василенко, казалось, неизбежно должен был оказаться в числе арестованных по делу всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» 1930–1931 гг. Тогда в винницком гарнизоне были арестованы пять человек из медицинского персонала, собраны их и других арестованных признательные показания еще на 25 человек, в том числе на работников штаба корпуса²⁰. Сверх того еще девять человек проходили по материалам дел²¹. В итоге аресты коснулись 25 человек, еще на 50 были собраны показания, а затем ⅓ не подвергшихся арестам были уволены из рядов РККА²².

Есть данные о том, что и на самого Василенко также собирался компрометирующий материал. В докладной записке руководства Винницкого оперативного сектора ГПУ

М.И. Василенко с орденами Красного Знамени, Красного Знамени Закавказской СФСР и Красной Звезды. Не ранее 1933 г. Фото из кн.: Черушев Н.С. Был ли заговор военных? М., 2007.

УССР на имя председателя ГПУ УССР В.А. Балицкого от 24 марта 1931 г. отмечалось, что Василенко, уже переведенный к тому времени в Москву, «принимал участие в [военно-офицерской контрреволюционной] организации, имея связь лично с Даненбергом (Е.Е. Даненберг, командир 24-й стрелковой дивизии. — Прим. авт.) и давая ему указания по вопросам оперативного характера, в организационной части деятельности организации участия не принимал, очевидно, по соображениям конспирации»²³.

Однако по каким-то причинам бывшего офицера не арестовали. Более того, в процессе сбора компромата прозвучали и положительные характеристики. Так, бывший генерал В.А. Ольдерогге отметил, что данных о причастности Василенко к контрреволюционной организации не имеет, хотя много работал с ним по линии Осоавиахима. По мнению Ольдерогге, «Василенко — выдающийся командир с большими организаторскими способностями, твердой волей и вполне самостоятелен; слышал, что он служил у белых, но лично с ним разговоров по контрреволюционной организации не имел»²⁴.

Вместо ареста последовало повышение. С 1 февраля 1931 г. Василенко уже был инспектором пехоты и стрелковой подготовки РККА. В ряде публикаций отмеча-

лось, что в 1932 г. Василенко вступил в партию. Однако проверка показала, что это не так. По документам, с 28 октября 1932 г. Василенко, реализуя свой давний замысел, стал лишь кандидатом в члены ВКП(б) — эту категорию в то время иногда приравнивали к членам партии, что и привело к распространению ошибки. По итогам года он аттестовался как хорошо знающий стрелковое дело и тактику мелких подразделений пехоты, но с недостаточной оперативной подготовкой. Бывшему офицеру также предписывалось поднять уровень марксистско-ленинской подготовки²⁵.

В декабре 1933 г. Василенко успешно прошел проверку комиссии по чистке партии. В ходе проверки ему был задан ряд вопросов, покажные ответы на которые характеризуют и биографию самого Василенко, и реалии той эпохи:

Вопрос: «Как вы работаете?»

Ответ: «Я переоценил трудности, стоящие перед РККА в 1933 году, ввиду малого числа патронов и не предусмотрел возможности искажений в армии оценок в стрельбе, что на самом деле имело место. Не обеспечил инспекции пехоты нормального и необходимого отдыха для своих подчиненных, результатом чего является переутомление командиров. Руководжу в инспекции соцсоревнованием, провел много докладов при поездке в части армии в нынешнем году. Работы в штаббюро не выполнял. Не было организовано взаимопроверки соцсоревнования инспекции пехоты и инспекции физподготовки»²⁶.

Вопрос: «Требования РВС Союза в стрелковом деле в нынешнем году вы считаете слабее, чем в прошлом?»

Ответ: «Нет, еще строже»²⁷.

Вопрос: «Как обстоит у вас дело с марксо-ленинской учебной?»

Ответ: «Я Ленина читал всего, но только под углом зрения военных вопросов, остальное не усвоил, в чем убедился при чистке партии в 1929 году»²⁸.

Вопрос: «Имеются слухи, что т. Василенко ранее командовал отрядом у Колчака».

Ответ: «Этого не было»²⁹.

Вопрос: «Как вы относились к Октябрьскому перевороту?»

Ответ: «Считал, что эсеры должны были действовать совместно с большевиками за революцию, животно ненавидел царизм, в остальных вопросах разбирался слабо»³⁰.

Вопрос: «Что читали из Ленина?»

Ответ: «Империализм как последний этап капитализма, “Что делать”»³¹.

Вопрос: «Как вы оцениваете международную обстановку в настоящее время?»

Ответ: «Считаю ее перегруппировкой империалистических стран для новой бойни»³².

В ходе возникших прений члены комиссии обменялись мнениями. Один из заседавших заявил, что не верит искренности показаний о ненависти к царю, т. к. Василенко служил у белых. Отмечалось, что Василенко не заботился о быте подчиненных в инспекции пехоты, плохо справлялся с планом работы, хотя и сумел создать аппарат инспекции. Звучали и положительные отзывы. Так, еще один участник прений отметил, что брат Василенко был казнен царским режимом, а сам Василенко пользовался авторитетом в РККА, вел большую работу по линии Осоавиахима в Москве. В 1921 г. его не приняли в партию по невнимательности со стороны партийной организации. Другие участники дискуссии отмечали большую работу Василенко в войсках, где он делал доклады, но малое участие в работе парторганизации, нелюбовь к самокритике и критике, которую Василенко воспринимал как личные выпады.

Начальник управления боевой подготовки РККА А.И. Седакин отметил, что знает Василенко еще по 1917 г.: «Встретился впервые

с ним в первом армейском комитете V-й армии, при выгоне нами в октябре из армейского комитета эсеров³³, он был начальником штаба со стороны белых против моей красной бригады»³⁴. В последнем случае, очевидно, речь шла о командовании Седакиным бригадой 24-й Симбирской Железной дивизии, сражавшейся против белых на Восточном фронте. Седакин считал Василенко не изжившим черты индивидуализма в работе, обвинял в излишней ревности к своему «я». Отмечалось, что система огневой подготовки, проводившаяся в жизнь Василенко, была не совсем удачной и вела в ряде случаев к очковитирательству. Кроме того, при напоре со стороны войск Василенко страдал излишней добротой и уменьшал учебные требования к стрелковой подготовке³⁵. Тем не менее, комиссия постановила считать Василенко проверенным.

Обвинения в потворстве очковитирательству затрагивали серьезную проблему Красной армии этого периода — ослабление требований в огневой подготовке³⁶. Насколько можно судить, Василенко был сторонником более строгих требований, что вызывало служебные трения.

В 1920-е и особенно в 1930-е гг. Василенко приобрел известность в РККА как талантливый военный педагог и писатель. Он опубликовал целый ряд работ, причем некоторые обрели подлинную популярность в войсках. К примеру, его «Боевая служба красноармейца» выдержала восемь переизданий, причем часть переизданий выходила сразу в нескольких городах. Всего же с 1932 по 1936 г. книга издавалась в Москве и Ленинграде, Киеве, Новосибирске, Минске, Харькове, Ростове-на-Дону, Саратове, Казани и Златоусте. Кроме того, выдержки из работы опубликовали в Шуе.

Это издание представляло собой иллюстрированный учебник по тактике пехоты для красноармейцев стрелковых частей РККА. На страницах учебника Василенко не только излагал основные обязанности красноармейца, но и давал практи-

ческие советы относительно того, как действовать в разнообразной боевой обстановке (оборона, наступление, атака, разведка, марш, отдых, охранение). Издание было прекрасно иллюстрировано, причем во многих случаях давались наглядные парные иллюстрации, как следует и как не следует действовать бойцу. Открывал свой труд Василенко словами о том, что звание бойца РККА почетно и ответственно: «...ему доверена вооруженная защита великой социалистической родины. Он борец за великое дело Ленина — Сталина, за освобождение трудящихся и угнетенных масс всего мира от власти и гнета капитала, за новую счастливую и радостную жизнь человечества»³⁷.

Насколько можно судить, вторым по популярности трудом Василенко стала брошюра «Воздушно-химическая оборона города», выдержавшая в 1928–1930 гг. пять изданий (издавалась в Киеве).

Несколько уступала ей «Боевая служба младшего командира», выдержавшая три издания (Москва, Минск, Симферополь). Редактором книги стал давний товарищ автора А.И. Седакин. Эта работа представляла собой учебник по тактике для полковых школ и младших командиров стрелковых частей РККА. В книге излагались основные обязанности командиров стрелкового и пулеметного отделений в боевых условиях. Автор затрагивал вопросы тактики и военной техники (применения артиллерии, мотомеханизированных войск, авиации, военной химии, военной инженерии, связи и средств ПВО). В духе времени Василенко приветствовал индустриализацию и разгром кулачества, широко цитировал И.В. Сталина, которого называл любимым гениальным вождем рабочих и крестьян СССР, а также К.Е. Ворошилова (впрочем, возможно, эту работу за бывшего офицера делали редакторы)³⁸.

«Памятку красноармейцу 45-й стрелковой Краснознаменной Волынской дивизии» (Киев, 1928) Василенко составил в виде общедо-

ступного вопросника с ответами-объяснениями. В качестве примера приведем несколько вопросов: «Что делать при появлении самолета?», «Что нужно для успеха атаки?», «Как бороться с танками при наступлении?», «Кем является политрук?» и т. п.

Среди прочих трудов Василенко — «Конспект по военно-химическому делу и обязанности начальствующего состава по организации службы химического обеспечения боевых действий войск» (Киев, 1927, в соавторстве с М.Ф. Розовым), «Химическая оборона села» (Киев, 1930), «Красноармеец в разведке» (М., 1931), «Методика тактической подготовки пехоты» (М., 1933; Новосибирск, 1934). В этих работах Василенко обобщал опыт Первой мировой и Гражданской войн, а также опыт маневров 1920-х гг. В работе «Методика тактической подготовки пехоты», вышедшей в Москве в 1933 г. под редакцией бывшего генерала В.Е. Белоплицкого, рассматривалась как подготовка одиночного бойца, так и подготовка отделения, взвода, роты и батальона.

По каким-то причинам работы Василенко в СССР издавались на немецком и польском языках. На немецком языке в столице АССР немцев Поволжья, Энгельсе, вышли «Боевая служба красноармейца» (Энгельс, 1934) и «Красноармеец в разведке» (Энгельс, 1932). По всей видимости, переводы были рассчитаны на красноармейцев немецкого происхождения, служивших в территориальных частях. Кроме того, на немецком были изданы «Химическая оборона села» (Харьков – Киев, 1932), а также «Итоги XI Всеукраинского съезда советов» (Харьков, 1929). На польском языке вышла «Химическая оборона села» (Харьков – Киев, 1931).

Активному командиру, стремившемуся к расширению своих воен-

но-научных знаний, было непросто в РККА 1930-х гг. В начале 1934 г. Василенко навлек на себя гнев наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР К.Е. Ворошилова. Причиной стала, казалось бы, малозначительная публикация в центральном органе РВС СССР и наркомата — газете «Красная звезда» — 14 января 1934 г. статьи «Новое в курсе стрельбы», содержавшей «Задачу вторую КС-34» (КС — курс стрельбы) с нововведениями в курсе стрельбы. Василенко занимался этими вопросами и прежде, а статья была подписана Инспекцией пехоты РККА. В преамбуле сообщалось:

«... успехи по огневой подготовке, достигнутые в минувшем учебном году, позволяют усложнить ряд стрелковых задач и усилить внимание сложным стрельбам (ночью, в дыму, в противогазе, по воздушным целям и т. д.). Это даст возможность сделать еще один шаг вперед по пути стрелкового совершенствования.

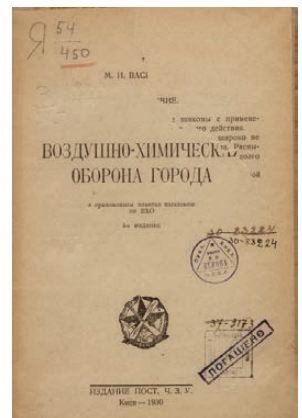
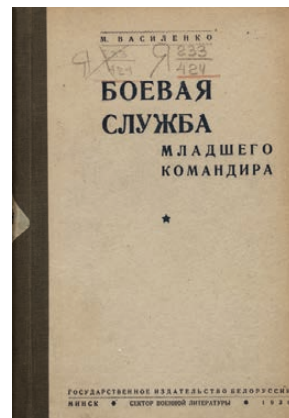
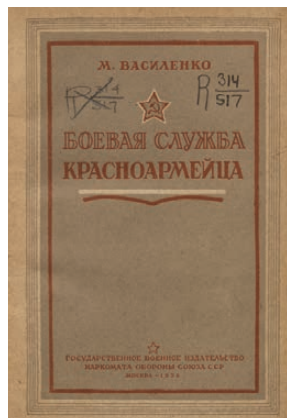
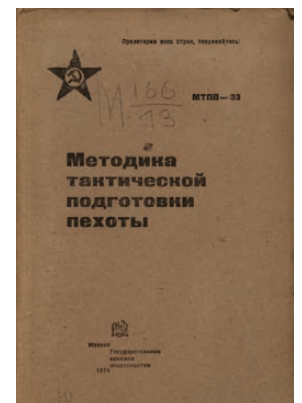
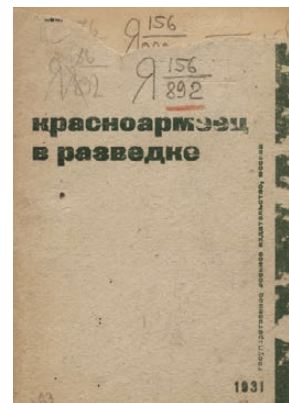
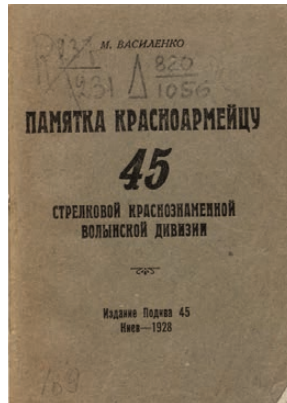
В этом разрезе КС-32 сейчас перерабатывается. Самая же методика стрелкового обучения оста-

ется без изменений (выделено авт. — А. Г.).

Первые задачи из всех видов оружия также остаются почти без изменений. Во все же последующие задачи будут внесены поправки и дополнения»³⁹.

Основным нововведением стали упражнения в винтовочной стрельбе на одну из четырех дистанций по выбору проверяющего. Это, по мнению разработчика задачи, устраняло возможность пренебрежения подготовкой со стороны красноармейцев, поскольку без подготовительных упражнений не было шансов выполнить зачетное упражнение. Более того, к 25 января 1934 г. предполагалось сдать в печать подготовленную с учетом этого новую редакцию наставления по стрелковому делу.

Казалось бы, полезное преобразование неожиданно вызвало бурю. В тот же день Ворошилов издал гневный приказ о том, что «этот документ крупной военной и политической важности был принят к печати редакцией от инспектора пехоты и стрелковой подготовки РККА т. Василенко»⁴⁰, который «не

Обложки трудов М.И. Василенко.

На некоторых вырвана часть листа с его фамилией как «врага народа». РГБ

доложил содержания задачи ни мне, ни моему заместителю, ни начальнику боевой подготовки.

Тов. Василенко допустил превышение своих служебных прав, нарушил дисциплину.

Тов. Василенко ввел в заблуждение всю армию, ибо основные установки “Задачи второй КС-34” об оценке и порядке выполнения задачи мною не рассматривались, и я их не одобряю»⁴¹.

По всей видимости, гнев наркома, относившегося с повышенным вниманием к стрелковому делу, был связан именно с неосведомленностью о новом начинании. Далее были указаны и другие виновные — ответственный редактор газеты М.М. Ланда и начальник боевой подготовки сухопутных сил РККА А.И. Седакин. В итоге Василенко был объявлен строгий выговор, Ланде поставлено на вид, а Седакин отделался замечанием. Предписывалось немедленно напечатать опровержение.

Однако миллионы читателей обо всей этой истории не узнали. В следующем номере на первой странице было помещено небольшое официальное извещение за подписью начальника боевой подготовки А.И. Седакина о том, что «изложенный в статье проект... есть изложение личной точки зрения авторов проекта. Войска не должны рассматривать эту статью как официальный документ, и не руководствоваться ее указаниями в стрелковой подготовке»⁴². При этом от планов по переработке и изданию наставления по стрелковому делу не отказывались.

Тем не менее гроза миновала. Василенко так или иначе был связан с наркомом К.Е. Ворошиловым, причем взаимоотношения носили не только деловой характер, но имели и оттенок личного. Сохранилась недатированная записка Василенко Ворошилову, относящаяся к периоду 1931–1935 гг.:

«Товарищ народный комиссар.

Ваши слова, что меня кое-кто будет клеветать оправдались скорее, чем я думал.

Атака поведена по линии боевой подготовки пехоты, в ущерб ей.

Прошу разрешения доложить Вам лично.

*Василенко»*⁴³.

С 22 ноября 1934 г. Василенко вошел в состав Военного совета при Наркоме обороны СССР, т. е. считался одним из авторитетных советских военных работников, включенных в военную элиту страны. В этом смысле вряд ли последовавшее назначение на Урал можно было считать опалой, как позднее утверждала супруга Василенко⁴⁴. С 3 августа 1935 г. Василенко занимал пост заместителя командующего войсками Уральского военного округа⁴⁵ по боевой подготовке при командующем комкоре И.И. Гарькавом, а 20 ноября 1935 г. получил звание комкора⁴⁶.

11 марта 1937 г. Василенко, проживавший в Свердловске, в Доме Советов на улице 8 Марта, был арестован НКВД по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Вместе с ним арестована была и супруга Матвея Ивановича. Тогда же был арестован и командующий войсками округа Гарькавый.

Уровень предъявленных обвинений виден из нижеследующего. Согласно записке начальника УНКВД по Свердловской области комиссара госбезопасности 3-го ранга Д.М. Дмитриева, датированной 25 октября 1937 г., Василенко, уже после его расстрела, обвинялся в принадлежности к офицерско-фашистской организации, созданной агентурой эмигрантского «Русского общевоинского союза» (РОВС). Василенко завербовал эмиссар РОВС под псевдонимом Епифанов. Уральская организация РОВС якобы была связана с финской, польской, японской и германской разведками. Василенко также считался германским агентом, вошедшим в состав троцкистского заговора в РККА, который на Урале возглавлял его начальник Гарькавый. Офицерско-фашистская организация с лета 1936 г. входила в состав «Уральского повстанческого штаба», в который вошел

и Василенко. Повстанческий штаб якобы создавал повстанческие подразделения из бывших офицеров на Урале, причем в Свердловске; по версии следствия, такой организацией руководил Василенко, разрабатывавший план восстания с учетом требований германской разведки по изоляции Свердловской области и перерыву связи Москвы с Дальним Востоком. Начало восстания, как утверждали следователи, планировалось на весну 1939 г. в момент нападения Германии и Японии на СССР. План Василенко предусматривал захват складов с оружием, разрушение железной дороги и захват Перми с ее промышленностью⁴⁷. Даже И.В. Сталин счел записку Дмитриева странной и похожей на газетную статью⁴⁸.

При этом в следственном деле Василенко фигурировали другие обвинения. Например, участие в военно-офицерской организации на Украине в конце 1920-х гг. Утверждалось, что в 1927–1928 гг. его якобы завербовал В.А. Ольдерогге, но в деле последнего этих утверждений не нашлось. Про диверсионно-повстанческую работу не говорилось, но фигурировал шпионаж в пользу Германии. Василенко обвинялся также в вербовке начальника управления боевой подготовки РККА комкора К.А. Чайковского, начальника курсов «Выстрел» Л.Я. Угрюмова и начальника химслужбы Уральского округа полковника А.И. Должанского⁴⁹. Но очевидные нестыковки никого не смущали.

Показателен уровень обсуждения «вины» Василенко на печально известном заседании Военного совета при Наркоме обороны СССР 2 июня 1937 г. с участием И.В. Сталина и Н.И. Ежова:

«Сталин. Один защищает Василенко, другой не защищает. В конце концов выяснилось, что он действительно грешен. Мы не могли знать, что это вредительство. А кто же он оказывается? Оказывается, он шпион. Он сам рассказал. С какого года, т. Ежов?»

Ежов. С 1926 г.

Сталин. Конечно, он себя троцкистом называет, куда лучше ходить в троцкистах, чем просто в шпионах»⁵⁰.

9 июня на заседании актива центрального аппарата Наркомата обороны СССР нападки продолжил уже К.Е. Ворошилов, заявивший по поводу Василенко: «Этому человеку никогда особого доверия у нас не было. Он был, тем не менее, активным работником Красной армии, человеком думающим, человеком, который претендовал на некоторое влияние на военную мысль, на новаторство у нас. Он оказался старым немецким шпионом, выдавал наши военные тайны»⁵¹.

Ворошилову вторил старый знакомый Василенко А.И. Седякин (впрочем, соучастие в травле не спасло его от расстрела через год): «Я его еще по старой армии знал. Это был наш враг, эсер, я с ним боролся в армейском комитете, где я являлся председателем комитета фракции большевиков во время октябрьского переворота, знал, что это наш враг. На Восточном фронте узнал от военнопленных, что он был начальником штаба группы белых, с которой дралась наша часть. Знал я все это, но все-таки не проявлял, когда был его непосредственным начальником, надлежащей бдительности к тому, что человек делает. Я откровенно скажу, когда он в последнее время перед отъездом пришел ко мне просить дать ему рекомендацию в партию, я не хотел давать ему рекомендацию. Я ему рекомендацию не дал. Он говорит, [что] мне дали такие-то, такие-то, и назвал целый ряд фамилий. Я говорю, хорошо, я вам дам, но он уехал, и я ему рекомендацию не дал. Он мне писал, что вы мне обещали. Я отвечал — подождите, когда-нибудь дам вам рекомендацию. Можно ли это назвать большевистским отношением? Надо было прямо сказать, что я вам не дам рекомендацию, а я еще колебался и думал, давать ему или не давать»⁵².

От Василенко следователи пытались добиться показаний на маршала М.Н. Тухачевского⁵³. Последний

М.И. Василенко ★

Научный архив Института российской истории РАН.

на следствии показал, что якобы завербовал Василенко в 1934 г.⁵⁴ Упоминали Василенко в числе участников заговора и другие подследственные, в частности комкоры В.М. Примаков и Б.М. Фельдман, помощник начальника инженерных войск Уральского округа Н.И. Вележев⁵⁵.

На предварительном следствии Василенко признал себя виновным. На допросах он подвергался избиениям, но на суде нашел в себе силы отказаться признать мнимую вину⁵⁶.

Впрочем, все это значения уже не имело. 19 апреля его уволили из армии по статье 44 пункт «в», а 1 июля 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 48-летний комкор Василенко был приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян. Список лиц, предназначенных к осуждению по 1-й категории, в котором значился и Василенко, еще 26 июня 1937 г. лично подписали И.В. Сталин, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов и А.И. Микоян. Таким образом, приговор Военной коллегии являлся фикцией, призванной лишь проштамповать решение, уже принятое руководством страны. Прах Василенко захоронен в Москве, на Донском кладбище. В связи с репрессиями фамилия Василенко была вырвана с обложек некоторых его трудов, хранившихся в библиотеках.

В 1939 г. дети расстрелянного комкора, проживавшие в Харькове у тетки, Клавдии Викентьевны Павловой, написали письмо Сталину:

«Дорогой наш товарищ Сталин! Ровно два года тому назад, 12 марта 1937 г., в Свердловске были арестованы наши мама и папа: Матвей Иванович Василенко (он был заместителем командующего Уральским военным округом) и Евдокия Викентьевна Василенко. Нас забрала к себе в г. Харьков наша тетя, где мы живем и учимся. О папе мы не имеем

никаких сведений. Мама нам писала из Ярославля, куда была переслана из Свердловска. Потом снова в продолжение года мы не имели о ней никаких известий, за исключением письма, которое нам прислала одна из освобожденных, из которого мы узнали, что мама находится снова в Свердловске. И просит нас и умоляет прислать ей обувь и теплые чулки, так как она очень страдает ревматизмом. Мы ей посылали 5 раз, и посылки возвращались обратно. Кроме того, мама просила, чтоб мы написали Вам письмо, так как она томится в тюрьме напрасно, и что ее дело все построено на показаниях лжесвидетелей, которых она совсем не знает. В настоящее время мама снова находится в Ярославле в тюрьме и пишет нам письма. У нас сейчас очень тяжелое положение материальное, у тети большая своя семья и нас двое, да и, кроме того, у нее очень пошатнулось здоровье.

Дорогой наш товарищ Сталин, мы Вас просим только одно, верните нам нашу дорогую единственную мамочку. Я с братом совершенно уверены, что только Вы, дорогой наш, вернете нам мамочку»⁵⁷.

Пытаясь облегчить участь сестры, «письмо во власть», Генеральному прокурору СССР в феврале 1940 г. написала и К.В. Павлова⁵⁸.

Вдова Василенко, Евдокия Викентьевна Юнаковская, 1896 г. рождения, уроженка Харькова, была

приговорена Особым совещанием при НКВД СССР к восьми годам лагерей. Срок отбывала на Колыме, в том числе в Магадане. Оказавшись в тяжелейших условиях, она перенесла дизентерию, страдала ревматизмом. По данным на 1940 г., она освобождена не была. Реабилитирована постановлением военного трибунала Уральского военного округа 14 февраля 1956 г. Дело по обвинению Василенко было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 28 ноября 1956 г., причем приговор «*по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено*», а сам Василенко посмертно реабилитирован⁵⁹. Реабилитирован был и его начальник Гарькавый.

В период реабилитации жертв политических репрессий осенью 1957 г. вдова Василенко, проживавшая в Москве, в Большом Козихинском переулке, испрашивала себе пенсию за мужа⁶⁰. За репрессированного ей выплатили два оклада по реабилитации⁶¹. У Василенко было двое детей — Инна (Анна) (родилась 27 августа 1922 г.) и Виктор, который был на четыре года младше. Инна пропала без вести. Виктор, по данным на 1957 г., работал слесарем в Харькове⁶². Кроме того, по данным на 1924 г., на иждивении Василенко находилась сирота 16 лет — дочь сестры военспеца.

Василенко прожил недолгую, но яркую и интересную жизнь. Его биография демонстрирует сложность и неочевидность идейно-политического выбора, а также причудливость судьбы офицера русской армии на изломе эпох. Василенко, будучи приверженцем левоэсеровских взглядов, оказался сначала в составе Военной академии в рядах Красной армии. Летом 1918-го в силу обстоятельств вместе с академией он попал в Народную армию Комуча, после чего служил в антибольшевистском лагере до прихода к власти адмирала А.В. Колчака с явно не социалистической программой. Вместе с другими «эсерствующими» офицера-

ми он участвовал в заговоре против белого командования, а после неудачи возвратился к красным. Несмотря на службу у белых, в РККА в силу крайнего дефицита специалистов Генерального штаба его приняли без каких-либо служебных ограничений и сразу назначили на командную должность. Более того, в течение двух лет Василенко сделал головокружительную карьеру в Красной армии, став командующим несколькими армиями и одним из победителей Деникина и Петлюры. Последующая его служба уже не столь блестяща и интересна, а финал закономерен для плеяды красных командиров Гражданской войны. □

Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

Автор выражает благодарность кандидатам исторических наук Анатолию Симонову (Саратов) и Андрею Смирнову (Москва) за ценные рекомендации

¹ Ганин А. Забытый победитель Деникина и Петлюры. Белый офицер и красный командарм Матвей Василенко // Старый Цейхгауз. 2016. № 1 (69). С. 138–144.

² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 5. Д. 95. Л. 2 об.

³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 12 об.

⁴ Там же. Л. 14 об.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 57.

⁷ Военно-научного общества.

⁸ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 18.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 37.

¹¹ Микушев В., Ребкало В. Микола Щорс: таємниця загибелі // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2003. № 1 (20). С. 144–146.

¹² РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 50.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 51.

¹⁵ Там же. Л. 49.

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ Там же. Л. 45.

¹⁸ Там же. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 28.

²⁰ Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 16. Л. 35–37.

²¹ Там же. Л. 40.

²² Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 229.

²³ Справа «Всесоюзной військово-офіцерської контрреволюційної організації (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 261.

²⁴ Цит. по: Там же. С. 228.

²⁵ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 31.

²⁶ Там же. Л. 32.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 32–32 об.

³¹ Там же. Л. 32 об.

³² Там же.

³³ В действительности эсеры продолжали состоять в комитете 5-й армии и позднее (Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М., 2014. С. 107).

³⁴ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 32 об.

³⁵ Там же. Л. 33.

³⁶ Смирнов А.А. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 1. С. 171–182; Т. 2. С. 283–284.

³⁷ Василенко М. Боевая служба красноармейца. М., 1936. С. 5.

³⁸ Василенко М. Боевая служба младшего командира. Минск, 1936. С. 3–5.

³⁹ Новое в курсе стрельб // Красная звезда. 1934. № 12 (2655). 14.01. С. 2.

⁴⁰ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 35.

⁴¹ Там же.

⁴² Официальное извещение // Красная звезда. 1934. № 13 (2656). 15.01. С. 1.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 98. Л. 9.

⁴⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 5. Д. 95. Л. 5.

⁴⁵ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 65. Л. 91–94.

⁴⁶ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

⁴⁷ «Актив — кадровые офицеры» // Источник. 1994. № 1. С. 95, 97–98, 101–102; Черушев Н. «Невиновных не бывает...» Чекисты против военных. 1918–1953. М., 2004. С. 290–294.

⁴⁸ «Актив — кадровые офицеры». С. 94.

⁴⁹ Черушев Н. «Невиновных не бывает...» С. 293–294.

⁵⁰ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Док. и мат. М., 2008. С. 137.

⁵¹ Там же. С. 371.

⁵² Там же. С. 416.

⁵³ Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 599.

⁵⁴ Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С. 95.

⁵⁵ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 110.

⁵⁶ Реабилитация: ... С. 675; Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938 гг. М., 1998. С. 269.

⁵⁷ «Дорогой наш товарищ Сталин!» ... и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны. М., 2001. С. 61–62.

⁵⁸ Там же. С. 62–63.

⁵⁹ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 42. Л. 58.

⁶⁰ Там же. Л. 59.

⁶¹ Там же. Л. 2 об.

⁶² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 5. Д. 95. Л. 3.